

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 316.422

Т.И. Грицкевич, В.М. Золотухин

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ПРОБЛЕМА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РЕФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Любопытство к последним дням некогда знаменитых личностей будит в нас ощущения инообытия, совершенно другого отсчета времени, которые мы хотим постичь сквозь призму своего бытия. Ничто не делает личность такой притягательной для потомков, как её невероятный путь к славе и забвение последних дней его жизни. Почему личность, способная своей деятельностью принести инновационные изменения в обществе вдруг теряет свой преобразовательный потенциал? Что же меняет мировоззрение человека, когда он становится мягче, терпимее и уходит от борьбы за свои идеи в политике?

ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ РЕФОРМАТОРА?

Личность реформатора характеризует высокая активность преобразовательной деятельности и её источником является нетерпимость со старым, желание разрушить и создать новое из форм существования предметов социальной реальности. И, похоже, толерантность как черта не свойственна реформаторам, однако в периоды реформаторской активности у личности появляется потребность в ощущении гармонии, в желании примирить противоборствующие стороны, найти золотую середину мудрого, удовлетворяющего всех решения. В реалиях российской истории мы довольно таки часто наблюдаем события политической жизни, в которой личность, определяющая своей деятельностью тон эпохи, склонна мотивировать свои поступки толерантностью (Александр I, Николай II). Наш исследовательский интерес привлекает реформаторское творчество личности в современный период развития российского общества, когда в условиях демократизации социума, многопартийности и свободной конкуренции различных политических сил, возникает проблема разнополярности предлагаемых вариантов достижения общественного благосостояния.

Ощущения внутренней дисгармонии у реформатора начинается с осознания того, что его решения не приносят кардинальных изменений, а те инновации, введенные им ранее, не сформировали ожидаемую социальную реальность, не дали социальной поддержки. Возникает потребность на иных основаниях моделировать объекты социаль-

ной реальности. Поиск новых принципов начинается уже не с внутреннего переосмысливания достигнутого, а с попытки проанализировать существующую реальность. Реформатор сознательно для себя допускает возможность существования иных альтернатив решения поставленной задачи и, не только собственных, но и предлагаемых оппозицией. Из предлагаемых вариантов решения задачи реформатор понимает невозможность выбора из противоречивости идей, той идеи, которая была бы связующей, консолидирующей, направляющей деятельность властной элиты на достижение поставленных целей.

Каков же должен быть шаг в разрешении конфликта противоборствующих сторон? Удивительно, что из многих альтернатив выбора единствено легитимным признается толерантность диалога. Почему именно толерантность как черта становится лейтмотивом, определяющим успех выхода из политических конфликтов?

Как черта личности, толерантность, дает реформатору возможность понимать справедливость требований разных социальных слоев на уровне эмпатии, возлагая на него роль посредника в примирении диаметрально противоположных взглядов других личностей и социальных сил. Личность реформатора, несущая в себе толерантность, аппелирует к эмоциональной сфере, вызывая симпатию, уважение и сострадание к тяжелой доле смельчака способного указать путь к лучшей жизни. Интеллектуально-логический расклад алгоритма действий всегда вызывает желание найти слабое звено в цепи и оспорить преимущество предлагаемого варианта действий, трансформирующих общество или отдельные его сферы.

Но возможна ли позиция, традиционная российскому менталитету «повинную голову меч не сечет», которая своим покаянием открывает свою бренность тяжелой ноши ответственности за принятые решения, в деятельности реформатора в социально-политической сфере. Ведь это не микрорельеф социума и последствия от принятых решений здесь носят длительный, разрушительный характер. Несомненно, что реформаторское творчество позволяет личности выделится из социальной группы благодаря своей уникальности, не похожести, умению иначе решать аналитические

задачи. Потенциал реформаторского творчества всегда определяется умением синтезировать информацию, конструирующую альтернативные модели социальной реальности и воплощать их в обществе с учетом социальной реакции на социально-политические инновации или реформы.

Общество не может бесконечно адекватно реагировать на изменения, наступает момент обратной реакции на продолжительные реформы. В условиях разногласий о путях преодоления реформационного кризиса личность реформатора зачастую находит варианты решения в воплощении идей толерантности, способных консолидировать основные силы общества на завершение реформирования или корректировку реформационного курса.

Такая модель реформаторского творчества характерна для реформаторов, преобразующим социум, в котором не популярны лидеры харизматического типа. Толерантность реформаторского творчества личности является основой сдерживания спада курса реформ и возвращения к старому, опирающемуся на консервативные силы общества. Реформатор, несущий идеи толерантности, в кризисные периоды трансформации структуры или функциональных связей в обществе, сохраняет возможность довести реформы до конца и получить результат от проведенных преобразований.

Иногда, идя на поводу у консервативных сил и боясь резкой негативной реакции социума, в момент кризиса, происходит отказ от продолжения реформ и начинается возврат к прошлой модели или поиск новой, альтернативной. Это по сути дела есть начало такого же реформирования и толчка новой трансформации общества, что и прежнее, хотя менее контролируемое и не подвергаемое социальным измерениям социологов, чем курс прежних реформ. Здесь очевиден негатив по отношению даже к самой идее социально-политической реформы, поскольку непродуманность и неконтролируемость прежних реформационных процессов привела к ухудшению социальной ситуации и усугублению решения первоочередных проблем.

Идеи толерантности реформаторского творчества личности находят поддержку в социуме. На уровне бытовой психологии, человек начинает понимать преимущество тех изменений, которых не избежать без кризисных состояний. И в общественном мнении постепенно начинает прослеживаться терпимость, снисхождение к ошибкам личности реформатора, его идей изменивших привычный уклад жизни. Это значит, что через некоторое время реформатор будет признан снова или, уходя с политической авансцены, оставит вакuum реформаторского творчества, который будет вос требован новой личностью, являющейся продолжателем его идей. Несомненно, что феномен веры в В.В. Путина в конце 90-х был связан с яркой харизмой Б.Н. Ельцина и его предновогодней ре-

чью, в которой он объявил о сложении полномочий первого президента демократической России.

В тот кризисный период начала существования демократического режима в России идея толерантности в последней речи первого политического лидера страны позволила предотвратить социальный взрыв и смену политического курса, дала возможность удержать под контролем осуществление реформ сверху. Преимущество дало и восприятие на уровне психологии личности идей толерантности как эмоционально сдерживающих негативные реакции и общее раздражение на реформационные изменения. Толерантность как черта общественной психологии, несомненно, позволяет сосуществовать в социуме различным мировоззренческим системам и, таким образом, сохранять традиционные модели наряду с инновационными, не внося дисбаланс в темпы развития социума.

Удивительно парадоксальным оказался сам исторический факт возможности добровольного ухода с политической арены «вождя» в России. Историческая незыблемость смены власти монарха сменилась на незыблемость до смертного одра власти генсека. Страх перед последствиями ХХ съезда КПСС и политики Н.С. Хрущева, реставрация при Л.И. Брежневе и та же незыблемость до смертного одра генсека. Понятно, что заявление об уходе М.С. Горбачева было подвинуто очевидной ситуацией борьбы между новой политической элитой и старой, не желающей уступать свои позиции. Но ведь в его последней речи было не просто мужество, было мужество быть толерантным. Тогда это было признано слабостью, но когда на это пошел и тот, кто был причиной и идейным вдохновителем суда над КПСС стало в высшей степени парадоксальным. А что народ? А народ простили, ведь «повинную голову меч не сечет». Недоумение, недоразумение и непонятость позволили народу не укорениться в понимании вины «вождя» перед ним, а обрести какое-то чудовищное благородство от всепрощения и возможность снова до крайности быть униженными.

ИТОГ НАРОДНОЙ ВСЕПРОЩЕННОСТИ ПОНИМАНИЕМ

До выборов в 2000 г. В.В. Путин провел ряд встреч с экономической и научной элитой страны. Если интеллигенции это было ясно давно, то после этих встреч уже из уст Путина прозвучало четкое утверждение, что у России в ближайшее время нет возможностей для прорыва в экономике, а значит, нет возможных социальных улучшений и оптимистичных перспектив. Реальность 2000 года свидетельствовала об огромном внешнеэкономическом долге, разрушенной экономике, криминальности бизнеса и отсутствии полноты власти у центра. Экономической элите было предложено не вывозить капиталы из страны в обмен на льготное налогообложение. Ученым - переори-

ентировалась с теоретических разработок к прикладным. Впервые было сказано о серьезности ситуации в социально-экономическом положении страны. Впервые народ понимал ответственность момента! Не пройдет много времени, как все поймут, насколько обманулись.

Демонтаж регентской системы власти, сложившейся при Б. Ельцине, и политические реформы вывели из кризисного состояния отношения между центрами власти. Была преодолена дисфункция и, отчасти, деинституционализацияластных органов. Эти действия путинской администрации можно назвать "наведением порядка", так как реформы 2000-2002 гг. внесли большую упорядоченность в функционирование государственных органов. Хотя принципиально характер политической системы оставался все еще прежним - это была олигархия, то есть "власть немногих": состоятельных людей, высших чиновников, военных. Гражданское общество по-прежнему не было сформировано: организации женщин, молодежи, сельских производителей, мелких предпринимателей оставались изолированными от политических решений.

В отличие от ельцинского периода, где олигархия носила явно выраженный плюралистический, полигонтический характер, новая власть проявляла склонность к моноцентризму. Предприняв усилия для возврата власти в центр и потеснив региональную элиту с политического поля, Кремль достаточно методично начал работу по восстановлению не только "вертикали власти" в регионах, но и всей государственной пирамиды. Поиски независимых центров власти велись по всем направлениям, и повсюду цель была одна - провести переговоры, добиться консенсуса, установить контроль, подчинить или убрать с политического поля. Ельцинские центры власти - Государственная дума, Совет Федерации, региональные элиты, правительство, КПРФ, демократическая оппозиция, бизнес-элита, СМИ - один за другим утрачивали свою независимость от государства либо теряли влияние. Политическая система "выстраивалась", становясь, все более упорядоченной, моноцентричной, бюрократической. Источники политической инициативы постепенно вырождались, сводясь к предложениям Кремля. Надо отметить, что бюрократизация российской политической системы в этот период была необходимой и желательной, так как общество жаждало "наведения порядка", а элита - упорядочивания отношений и стабилизации.

В. Путин вел реформы в нескольких направлениях: он вернул часть власти в центр, понизил статус региональной элиты, восстановил властную вертикаль в управлении регионами и создал целый ряд «консультационных площадок». В отличие от своего предшественника, В. Путин не устранился от ведения государственных дел, и режим регентства был заменен прямым правлением президента:

он сам выстраивал отношения со своей администрацией, с правительством, с федералами, с губернаторами, с крупными бизнесменами. Для каждой группы элиты был определен куратор - посредник между президентом и элементом политической системы. Но особенностью путинского государства стало то, что он лично направлял деятельность всех элементов политической системы, создавая лишь одно посредническое звено. Если Б. Ельцин переадресовывал властные полномочия своим регентам и фаворитам, тем самым, отрывая президентскую власть от деятельности элитных групп, то В. Путин действовал сам, лично участвуя в подготовке всех стратегических решений. На первых порах такая система личного участия была оправдана, так как речь шла о взятии всей полноты власти новым президентом. Но ко второму году правления стало необходимо ограничить личное участие в государственном управлении, все активнее внедряя институт посредников.

После успешной победы Путина на президентских выборах в 2001 году началась активная милитаризация власти. Этот процесс отчасти шел стихийно — новый президент приглашал на работу своих коллег; в свою очередь, коллеги Путина, обосновавшись в московских кабинетах, звали на работу своих сослуживцев¹. Таким образом, количество людей в аппарате администрации росло как снежный ком. Насыщение всех ветвей и этажей власти военными стало настолько ощутимым, что правомерен вопрос: только ли стихийный, не осознанный самой властью процесс мы наблюдаем? Действительно ли дело лишь в "друзьях и родственниках"? Не проглядывают ли контуры того самого "проекта Путина", о котором столько спорили политики и эксперты? И если это так, то каковы действительные планы Кремля по укреплению государства и президентской власти?

Начать укрепление власти для В. Путина легче всего было, восстановив сеть силовых структур как опору своей личной власти, а также как базу усиления контрольных и репрессивных функций государства. Кремль не скрывал своего стремления контролировать всё - и гражданское общество, и выборы, и частный бизнес, и независимую прессу, и парламент. Удастся ли Путину с помощью милитократии добиться желаемой цели - сделать российскую экономику рыночной, а демократию – управляемой на основе гражданского общества, удастся ли осуществить "стратегию двойного пути" - направить процессы маркетизации и демократизации в разные стороны, при этом, сохранив стабильность в стране? Да и возможно ли это в рамках процесса милитаризации административно-кадрового аппарата органов исполнительной власти и механизмов формирования гражданского общества?

¹ О сходстве Ю.В. Андропова и В.В. Путина уже много писали [1, с. 133-147].

Выборы 2004 г. удивили всех не только известностью получения итогов, но и последующим заявлением Г.Грефа о возможных сверхприбылях в экономике и позитивных решениях в социальной сфере [2, 1, 9]. Итоги выборов свидетельствовали не только о тактически просчитанной победы "единороссов", но и констатировали отсутствие парламентарной возможности оппозиции правых сил противостоять правительству курсу. Но более того, некоторые всерьёз открыто заговорили о пересмотре некоторых положений конституции в контексте продления срока полномочий президента на семь лет, а сам В.В. Путин на пресс-конференции журналистам говорил, не без удовлетворенного тщеславия, что в этом вопросе изменений действующей в Конституции не будет. Хотя это все слишком явно свидетельствовало о неизбежной авторитаризации. Но народ уже не думал, он верил в обещанное Г.Грефом чудо. Ведь какой гордостью наполнялась душа обывателя, когда он слышал февральские обсуждения судьбы не запланированных бюджетом сверхприбылей. Наверное, действительно важно сделать выбор между их вложением в развитие социальной сферы (пенсии, зарплаты бюджетникам, развитие образования и медицины) и выплатой внешнеэкономического долга (даже по возможности досрочного). Причем выбор сделан будет явно не народом.

Я полагаю, важно будет процитировать профессора А.В. Перцева, размышляющего над возможностью политической толерантности в современной России. "Толерантность – это характеристика доброго отношения к такому субъекту, который в принципе не может или не упорно не желаешь тебя понять. ... Она есть проявление отказа толерантного субъекта от попыток насильственного устранения или подавления соперника. ... Толерантный субъект избирает такую стратегию потому, что он уверен в своем интеллектуальном и духовном превосходстве над противником. ... Уверенность в собственном интеллектуальном и духовном превосходстве позволяет толерантному субъекту не бояться ненасильственных контактов с противником, ... противник в ходе такого ненасильственного общения будет идейно разоружен: под интеллектуальным и духовным воздействием происходящего в ненасильственной борьбе субъекта он откажется от своего фанатизма и невежества и, в перспективе, перейдет на идейные позиции толерантного субъекта" [3, с.216-218].

Конституция РФ 1993г. провозгласила Россию социальным государством. Т.Малева, директор Независимого института социальной политики сообщила на весну 2005 г. цифры соотношения основных слоев населения России: 10% бедные, 68-70% ниже среднего класса, 20% средний класс и 1-2% элита. В пресловутом сравнении с Америкой - 20% высший класс, 70% средний [4, с. 36-37]. По таким показателям элита и часть так называемого среднего класса России эксплуатируют

труд остальных 70% населения. Существующее положение еще более ухудшил ФЗ № 122.[5] Так называемая политика монетизации льгот фактически лишила отдельные категории граждан имеющихся льгот, а на региональном уровне значительно уменьшила существующие. Сам процесс привел к росту инфляции и министр экономического развития Г. Греф заявил, что в правительстве управленческий кризис. [6, с. 34]

Поражает сам факт противоречивости и декларативности заявлений не только правительства, но президента РФ. В марте 2004 г. В.В. Путин ставит перед правительством основные задачи экономического развития страны на ближайший год: удвоение роста ВВП, борьба с бедностью, контроль над инфляцией. Заложив двойные стандарты: очевидная нереальность целей и декларативность перед народом – привела не только к форсированному принятию, «улучшающего жизнь пенсионерам и другим льготным категориям граждан» закона № 122, но и законодательному кризису в Государственной Думе РФ. Оппозиционное меньшинство не может противостоять большинству «единороссов» и фракции ЛДПР. Более того, смена механизма выборов в Госдуму на избрание по партийным спискам четко дает понять обывателям о невозможности притока свежих сил из регионов в законодательную деятельность и консервации утверждаемого политического режима. При современных политических PR-технологиях и имиджмейкерстве содержание демократических принципов в управлении государством становится декларативным. Отсюда и содержательная сущность проекта закона об образовании и те разрушающие тенденции реформирования школы, ВУЗов и научных институтов, которые сломят будущее России - всеобщее бесплатное образование детей, пока гарантированное Конституцией 1993г.[7, с.26-32]

Противоречивость заявлений и реального положения дел настойчиво требуют ответов на следующие вопросы: во-первых, что же это за сверхприбыли, позволившие восстановить золотой запас страны и всерьез заговорить о возврате долгов за весь бывший советский союз?; во-вторых, почему исполнительная власть уверена в неспособности людей на революционные всплески?; в-третьих, при такой ситуации важен вопрос каковы перспективы развития политики государства после Путина? И все эти вопросы выделяют ключевые идеальные концепты перспектив толерантности реформационных процессов 1985-2005 гг. Ведь "толерантность не проявляется к такому противнику, который может быть насильственно уничтожен без существенного и даже непоправимого ущерба для себя. Она не проявляется и там, где низкий интеллектуальный уровень противника не позволяет надеяться в сколь-нибудь обозримой перспективе на успех идейного и духовного воздействия на него; а так же и там, где противник

обладает достаточно высоким уровнем интеллектуального и духовного развития, но по каким-то причинам упорно не желает идти ни на какие контакты и компромиссы" [3, с..218].

Понятно, что основные сверхприбыли в бюджете являются итогом роста цен на нефть и получения дохода от её экспорта. Не случайно здесь интересы государства приоритетны, экономическая политика 2004 г. свидетельствовала о кардинальных мерах правительства пресекающих монополизацию нефтедобычи через слияние "Юкоса" с другими крупными нефтедобытчиками и покупку правительством через посредника контрольного пакета акций

В России быть миллиардером становится опасно, всегда есть страх известности криминальных методов в ведении бизнеса. Только почему изначально то, что по праву рождения в России, является национальным достоянием согласно Конституции, сначала бесконтрольно отдается на получение прибыли отдельных лиц, а потом возвращается назад государству? Понятно одно – от полученных прибылей народ ничего не видит не в случае частной собственности, не в случае государственной, а нефть как и все природные богатства принадлежат не только современникам, но и их потомкам. И этот стратегически важный Ресурс, вернее его наличие и разумное использование дохода от экспорта, определяет экономическую стабильность государства. Полученные нефтеприбыли в России не вкладываются в развитие социально-экономической инфраструктуры и развитие производства, закрепляя статус сырьевого приданка. И здесь действительно прорыв в экономике сделать трудно.

Трудно еще и потому, что развитие среднего класса в России, как базового для экономической стабильности, ограничено "административными барьерами бюрократии". И здесь очевиден ответ на второй поставленный вопрос: исполнительная власть, кадровый состав которой бывшие сотрудники силовых ведомств, в силу менталитета бывших военных не может допустить революционности отчаяния народа. А методы борьбы с активистами и защитниками пенсионеров от негативных результатов реформы "монетизации льгот" с января 2005 г. осуществляются административным принуждением. Впрочем, это даже безопаснее чем уголовная ответственность за неуплату налогов и сборов предпринимателей, составляющих основу формирования среднего слоя [8]. Не удивительно, что за последние пять лет в стране увеличилась статистика уголовных преступлений госслужащих и администрации по факту взяточничества, пре-вышение служебных полномочий и служебного подлога [9, с. 3].

В такой ситуации нетолерантности социально-политических решений правительства России очень трудно говорить о возможных перспективах развития государства и общества.

Все эти потрясения снова вернули обществоведов к обсуждению ситуации революционности и возможностях масштабных реформ. Не случайно и возрождение "реального социализма" и движения альтерглобалистов и популярность "оранжевых" идей. Современные исследования ключом избирают "управляемость" в ситуации социальной неопределенности развития и приоритет в выделении движущей силы социального изменения отдают социальному субъекту и формировании гражданского общества "снизу" [10, с. 178-180].

УПРАВЛЯЕМОСТЬ ИЗМЕНЕНИЙ КАК ЦЕННОСТЬ, ДАЮЩАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

В силу существующей в современной России ситуации непредсказуемости и неопределенности конечных результатов социальных изменений переходного периода необходимо утвердить ценностью общественных наук поиск "управляемых" форм социальных изменений. Характеризуя элементы неопределенности развития общества в переходный период В. Банс отмечал: "если происходят быстрые перемены во всех сферах жизни общества, если направление таких перемен вступает в непримиримое противоречие с прошлым и порывает с ним, если основные институты нового политического, экономического, социального устройства находятся в процессе становления, тогда результаты по определению явления крайне непредсказуемые" [11, 47]. Основной из проблем антиреволюционного строя Р.Саква выделяет угрозу антиполитики созданного независимого гражданского общества для контроля за действиями пришедших к власти новых элит. "Сама логика антиреволюций, предполагающая автономию гражданского общества, подрывает основы, на которых может быть построено постреволюционное политическое сообщество, и губительна не только по отношению к коммунистическому государству, но и к управлению вообще" [12, с. 23-39].

Кризис свидетельствует о состоянии необходимости переоценки, возможности найти на основе коллективного и индивидуального опыта пути обновления общества. Скорее всего, в философском смысле, такие пути для России начала XXI века будут определяться поиском духовно ценной формы социальных измененийозвучной потребностям человека. Ведь говоря об основных типах неопределенности в человеческой деятельности, В.С. Диев выделяет среди них такие как: гносеологическую неопределенность (вызванную отсутствием достаточно релевантной информации; стратегическую неопределенность (вызванную зависимостью от действий других лиц); неопределенность, вызванную нечеткостью, расплывчатостью как процессов и явлений, так и информации, их описывающей [13, с. 26] В ситуации оценки и постижения реформационных процессов в России 1985-2005 гг. налицо все указанные типы неопределенности, порождающие нестабильность

и непредсказуемость процесса социальных изменений.

Вся справочно-информационная литература свидетельствует о нечеткости расплывчатости информации о реформационных изменениях. Многие современные издания, несмотря на дискуссию в научной среде по поводу содержания процесса российских реформ 1985-2005 гг., так и придерживаются марксисткой интерпретации понятия реформы, как арены борьбы антагонистических классов [14]. Переизданный Толковый словарь русского языка С.И.Ожегова с участием Н.Ю.Шведовой указывает на употребление понятия реформа в двух смыслах. Первый не противоречит классическому употреблению термина, аналогичен содержанию указанному В.Далем в его Толковом словаре живого великорусского языка [15, с. 1681] и понимается как преобразование, изменение, переустройство чего-либо. Хотя примечательно, что В.Даль, раскрывая содержание понятия "реформа", не использует понятие изменение. Во втором смысле понятие употребляется как преобразование в какой-либо области государства, экономики, политической жизни, не касающихся основ существующего социального строя [16, с. 678]. Это уже в традициях классики марксизма. В.Ж. Келле, в Философском словаре, определяет реформу как способ изменения общественного строя, социального института или отдельного, значимого для общества явления, осуществляемого властной структурой с четким осознанием цели преобразования [17, с. 491]. Указывая, что реформирование это путь эволюционного изменения, В.Ж. Келле описывает реформы как преобразования, ведущие к качественному переустройству объекта, затрагивающие его глубинные основания.

В Социологическом энциклопедическом словаре, под редакцией академика Г.Осипова, акцент существенного признака понятия реформа сделан на преобразование общественной жизни не уничтожающее основ социальной структуры общества [18, с.304]. Преобразование социальных институтов, социальных структур, нередко сопровождающиеся их **коренной ломкой** является уже существенным признаком чисто социологического понятия "трансформация" [18, с.374], которое за последние годы приобрело огромное методическое влияние на российских обществоведов благодаря трудам академика Т.И. Заславской [19]. Понятно, что если есть преобразования, не затрагивающие основы социальной структуры общества, то есть и преобразования, меняющие социальную структуру. Чем более они масштабны, тем сложнее процессы этого изменения.

Проблема различия восприятия событий России 1985-2005 гг. коренилась не в проблеме адекватности описания явления социальной реальности, а в методологическом кризисе социальной философии. Противоречивость изучения механиз-

ма, формы и сущности изменений в России в рамках марксистской парадигмы породила молчание на популярность методологии постмодернизма. В то время как российские социологи фиксировали результаты социальных изменений в эмпирических исследованиях, социальным философам было трудно определиться с методологией анализа реформационных процессов в России. Социологи выделили типологию социальных изменений, опираясь на возможности математического моделирования, без утруждения себя вопросом о сущности таких изменений.[20] А социальным философам оставалось либо реанимировать методологические достижения советских обществоведов, либо создавать новую методологию, претендующую на статус мета-теории и системности как диалектический материализм.

Анализируя социальные изменения в современной России, профессор МГУ А.В. Бузгинин четко обозначил: "постмодернизм устарел", поскольку причины возникновения и причины заката постмодернизма по сути одни и те же явления в области общественных отношений, обуславливающих развитие той или иной модели социально-духовного бытия, общественно-теоретических парадигм и методологии. Указывая на значимость для эпохи неолиберального реванша в идеологической сфере постмодернизма, А.В. Бузгинин выделяет заинтересованность транснациональных корпораций в отсутствии мощной идеологии в нашей стране, позволяющей капиталу захватывать и перераспределять собственность, ресурсы и интеллектуальные богатства раздробленной обессиленной России [21].

Основной задачей для преодоления методологического кризиса в социальной философии является, прежде всего, задача гносеологической определенности и четкости информации описания преобразований в России 1985-2005 гг. Такая определенность позволит структурировать многомерность социальных изменений в России, выделить объективно цели и результаты без официальной декларистики.

После потрясений последнего десятилетия Россия как никто нуждается в четком определении позиций выбора и способа изменений и действительно востребованных обществом целей изменений. Поскольку эти события больше обозначены официально как процесс реформирования, то необходим анализ аксиологии данного процесса. Сегодня критерием реформы стереотипно провозглашено прогрессивное изменение в любой сфере общества не затрагивающее основ существующего социального строя. Современность свидетельствует, что реформы могут быть вовсе не прогрессивными, могут не просто затрагивать, а целенаправленно менять социальную структуру, служить средством усиления процессов мобильности в социальной структуре, усиливать маргинализацию населения. Быть может такое положение в совре-

менном обществознании свидетельствует о необходимости пересмотреть устоявшееся мнение об одной из ведущих форм социальных изменений – реформе?

Поскольку гуманизм преобразований чаще только провозглашается, а не проводится, то для социального развития важно, чтобы реформационные ценности носили следующие сущностные

черты: гуманизм идейных воплощений в реализации базовых потребностей личности, социального слоя, класса; легитимность, юридически правомерные средства достижения цели реформирования; потенциал созидающей личности реформатора; толерантность в разрешении основных социальных противоречий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дроздов Я Ю., Фартишев В. Юрий Андропов и Владимир Путин. На пути к возрождению. М.: Олма-пресс, 2001.
2. Греф перешагнул черту бедности. Ключевые пункты экономического развития страны на три года: рост ВВП, борьба с бедностью, снижение инфляции. / Российская газета 26 марта 2004 № 62.
3. Перцев А.В. Философия толерантности //Толерантность и ненасилие: теория и международный опыт: Материалы Зимней школы молодых преподавателей Урало-Сибирского региона, Екатеринбург 2000г.: В 2ч. Ч.2 Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
4. Элитарность не в деньгах, а в активности / Профиль № 13, 11 апр. 2005, С. 36-37.
5. Федеральный закон от 22 августа 2004 г. N 122-ФЗ "О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"
6. Премьер отпустил /Профиль, 2005, 11апр. № 13. С.34.
7. Управление по науке / Г.Малинецкий Вдоль или поперек? // Компьютера №14, 12 апреля 2005, С. 26-32.
8. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996, ст.198-199.
9. Взятку дал, взятку принял / Российская газета, 4 марта 2004, № 43.
10. Утар Франсуа. Гражданское общество и социальные альтернативы неолиберальной глобализации //Государство и общество: философия, экономика, культура: Доклады и выступления / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. – М: ЛЕНАНД, 2005. С. 178-180.
11. В. Банс. Элементы неопределенности в переходный период //Полис, 1993, №1, С.47 .
12. Р.Саква Конец эпохи революций: антиреволюционные революции 1989-1991 гг. //Полис, 1998, № 5, С. 23-39.
13. Дьев В.С. Риск и неопределенность: философско-методологический дискурс //Вестник НГУ. Серия: Философия и право. Т.2. Вып.1. 2004. С.26.
14. Ленин В.И. П.П.С. Т.12. М., 1968. С.322; Т.44. М., 1978. С.223.
15. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка.: Т.1-4. Т.3: П-Р М.: Прогресс, 1994. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. / Рос. Акад. Наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. -4е изд. – М.: Азбуковник, 1999.
16. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова – 7-е изд., перераб. и дополн. – М.: Республика, 2001.
17. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском, чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г.Осипов. –М.: Издательская группа ИНФРА-М-Норма, 1998.
18. Заславская Т.И. О движущих силах трансформации российского общества// Общество и экономика 2003, № 6, С.65-84.
19. П.Штомпка Социология социальных изменений/Пер. с англ. под ред. В.А.Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 31-44; Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов. М., 2003.
20. Бузгалин А.В. Постмодернизм устарел... (Закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперии») // Вопросы философии, 2004, №2, С. 3-15.

Авторы статьи:

Грицкевич

Татьяна Игоревна

- канд. филос. наук, доц. каф. философии Кемеровского университета

Золотухин

Владимир Михайлович

- канд. филос. наук, доц. каф. социологии, политических отношений и права